

Буров А. А., Сахно О. С.

**МЕСТОИМЕННАЯ СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВА ФРАЗОВОЙ ЭВФЕМИЗАЦИИ
(АСПЕКТ РЕЧЕВОЙ КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТИ)**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/12.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 33-34. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

МЕСТОИМЕННАЯ СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВА ФРАЗОВОЙ ЭВФЕМИЗАЦИИ (АСПЕКТ РЕЧЕВОЙ КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТИ)

Буров А. А., Сахно О. С.

Пятигорский государственный лингвистический университет

В теории языкового знака конвенциональность рассматривается как свойство условной, произвольной связи между означающим и означаемым символического знака [Булыгина, Крылов 1998: 343]. В теории речевых актов конвенциональность рассматривается как одно из свойств целенаправленного речевого действия, связанная с определенной прагматической установкой говорящего (convencio - лат. 'договариваюсь, соглашаюсь') [Арутюнова 1998: 412].

Явление конвенциональности относится к тем речевым категориям, которые призваны регулировать отношения уровня «словарь-текст». В частности, конвенциональная недоточность характеризует ту область мнимой лакунности, которая возникает вследствие социоэтического запрета (табу) на то или иное словоупотребление, выходящее за рамки принятых приличий речевой этики. Одним из важнейших языковых средств вербализации категории конвенциональности выступают эвфемизмы [Реформатский 1996: 104], представленные в тексте единицами самой различной структурной оформленности, и одной из языковых моделей является предикативная - фразовая номинация.

Фразовая номинация и эвфемизация словно созданы друг для друга, и это вполне закономерно. Эвфемизация представляет собой способ номинации, один из универсальных путей оформления связи «человек - мир», тогда как фразовая номинация есть одна из универсальных форм закрепления «отрезков» этой связи, материализующая знаки в символ. Преимущество фразового наименования в случае решения им эвфемистических задач заключается в ее предикативной природе, благодаря которой осуществляется номинационный акт динамического характера.

Употребляя термин «фразовая эвфемизация», мы за чисто внешней контаминацией, интерференцией просматриваем вполне закономерное взаимодействие и, как следствие, взаимопроникновение этих двух ипостасей наименования - закрепления в вербальной деятельности Homo Ludens.

Фразовая эвфемизация, таким образом, представляет собой особый способ номинации предикативного типа, заключающийся в завуалированном, смягченном, вежливом обозначении денотатов. Рассматривая фразовую эвфемизацию как проявление универсального типа (поскольку модель фразового наименования приложима в плане вербального семиозиса к любому денотату, а эвфемистически может быть назван также любой элемент денотосферы), мы считаем, что в формировании языковой картины мира эвфемизмы заменяют не отдельный ее участок, а целый слой. Поэтому фразовое наименование в интересующем нас положении может быть проанализировано и как некая номинационно-знаковая универсалия, и как предикативная единица номинации, одной из основных функций которой является эвфемизация.

Рассмотрим теперь специфику фразового наименования как производного номинационно-синтаксического семиозиса - процесса образования номинативных единиц в речи на основе единиц синтаксиса (в нашем случае - субстантивных местоименно-соотносительных придаточных сложноподчиненных предложений нерасчлененного типа) [Буров 1999, 2000].

Местоименная соотносительность понимается нами как коррелятивность дейктических элементов, создающая предпосылки для возникновения особого рода грамматической устойчивости. Лицо, предмет, ситуация или ее обстоятельственная характеристика, к которым отсылает союзное слово, в главной части прямо не названы, но в ней сохраняется позиция для их обозначения. Эту позицию и замещает придаточная часть, которая, наполняя коррелят своим содержанием, выступает в зависимости от своего категориального значения в функции существительного, прилагательного или наречия, т.е. подвергается своеобразной субстантивации, адъективации или адвербализации. Иными словами, в предложениях с местоименно-соотносительными придаточными конструктивно-обязательный коррелят служит для того, чтобы указать на предмет, лицо, признак, которые надо назвать. Коррелят в блоке с придаточной частью выполняет функцию фразовой номинации: *А тот, кого учителем считаю, как тень прошел и тени не оставил (А. Ахматова)*. Кроме того, придаточная часть, восполняя коррелят семантически, «в сочетании с ним занимает одну синтаксическую позицию» [Диброва 2002: 529]. Немаловажно, что местоименно-соотносительные придаточные не имеют аналогов на уровне связи слов и словоформ.

Нас интересуют сложноподчиненные предложения с местоименно-соотносительными придаточными частями субстантивного типа, наиболее часто рассматриваемые в лингвистике как фразовые наименования (А. А. Буров), которые строятся следующим образом: 1) коррелят *тот* в главной части + релят *кто* со значением лица в придаточной; 2) коррелят *то* в главной части + релят *что* со значением предмета в придаточной. Например:

1) *В людях, достигших цели, всегда есть какое-то унижающее самодовольство; у тех, кто цели добивается, есть постоянное благородное беспокойство (В. Брюсов).*

2) *Нинина мама посмотрела на меня с удивлением, потому что только последний хам может есть и хвать то, что ему дают (В. Токарева).*

Выступая в блоке с коррелятом, придаточная часть в сложноподчиненных предложениях местоименно-соотносительного типа служит средством описательной номинации предмета, лица, явления: *Тот, кто был в шинели, взял накладную (А. Толстой)*. Эта функциональная специфика придаточной части особенно «ярко

проявляется в контекстах, содержащих умолчание, эвфемистическую замену или дающих экспрессивно-образную характеристику называемого» [Диброва 2002: 540]. Например: *В середине грудной клетки Григория словно одубело то, что до атаки светливо гоняло кровь* (М. Шолохов).

Итак, во фразовом наименовании соотносительные слова *то, тот*, указывая на предмет, явление, не называют его. А придаточная часть как бы раскрывает смысл того, что скрыто за местоимением. Например: *И я решился на то, за что меня судили* (В. Брюсов). Герой Брюсова не говорит прямо: *«Я решился на воровство»*. Это звучит не только грубо, но и не соответствует сути происходящего в авторском повествовании. Автор использует сложноподчиненное предложение местоименно-соотносительного типа, включающее фразовое наименование, чтобы скрыть истинный негативный смысл высказывания. Таким образом, можно говорить о фразовом наименовании как особом расчлененном эвфемизме.

Специфика фразового наименования состоит в том, что в ее пространстве сталкиваются, существуя одновременно в одном знаковом теле, и эвфемистическое, и дэвфемистическое начала. По сути дела, указательное местоимение в составе фразового наименования оформляет трехступенчатый процесс эвфемистического обозначения: 1) фиксация денотата в пространстве; 2) выражение отношения к признаку; 3) сам признак. В придаточной части наблюдается своя иерархия: предикативный центр (сказуемое), второстепенные элементы (добавочные конкретизаторы, осложнения). Кроме того, в пространстве фразового наименования соотносятся текстовые и метатекстовые элементы. Метатекстовый план представлен субъективно окрашенными наклонениями глагола, модальными глаголами, вводно-модальными средствами, вставными конструкциями, фразеологизмами, перифразами и др. Например: *Именно потому, что я ценю вашу верность, я и не хочу обманывать вас притворной нежностью. Я даю вам то, что могу дать искренно, от всей души. Не спрашивайте с меня большего* (В. Брюсов).

В приведенном контексте мы наблюдаем употребление фразовой номинации, осуществляющей эвфемизацию именно благодаря синтезу собственно текстового и метатекстового начал, причем формирование и того, и другого находится в компетенции языковой личности автора.

Употребление фразовых эвфемизмов, как можно заметить, в основном базируется на взаимообусловленности употребления и структурно-грамматического и лексического состава образующих перифраз. Возможность предикативного любого, в принципе, признака наименования позволяет говорящему включать во «внутреннюю форму» наименования то, что представляется ему нужным, удобным, достаточным для намека. Выполняющие эвфемистическую функцию фразовые эвфемизмы характеризуются участием в восполнении мнимой (конвенциональной) недостаточности, так сказать, «по желанию» говорящего. Языковая личность автора при этом имеет возможность выбора наименования и, как правило, останавливается на предикативной форме описательного обозначения, предпочитая ее словарной (лексико-фразеологической).

Список использованной литературы

1. Арутюнова Н. Д. Речевой акт // *Языкознание: Большой энциклопедический словарь* / Под ред. В. Н. Ярцевой. - М.: РРЭ, 1998. - 2-е изд. - С. 412.
2. Булыгина Т. В., Крылов С. А. Означающее. - М.: РРЭ, 1998. - С. 343.
3. Буров А. А. Синтаксические аспекты субстантивной номинации в современном русском языке: В 3-х чч. - Пятигорск, 1999. - 524 с.
4. Буров А. А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. - Ставрополь, 2000.
5. Диброва Е. И. Современный русский язык: теория. Анализ языковых единиц. - М.: АCADEMIA, 2002. - Ч. II: Синтаксис. - 704 с.
6. Максимов Л. Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - М., 1971.
7. Реформатский А. А. Введение в языкознание. - М., 1996. - С. 104.

ЗАКОНЫ ФАНТАЗИИ И АБСУРД В РАССКАЗЕ М. ГОРЬКОГО «ГОЛУБАЯ ЖИЗНЬ»

Воронин В. С., Дьякова М. А.

Волжский гуманитарный институт (филиал) Вологодского государственного университета

Среди основных принципов фантазии: сращивание признаков различных объектов, умножение и разделение объектов, установление реально не существующей связи между объектами, превращение части в целое, признака в объект и обратно, возникновение и исчезновение объекта - самый последний и самый фантастический играет большую роль в художественном мире горьковского рассказа «Голубая жизнь». В реальном аспекте - это уход из жизни главного героя Константина Дмитриевича Миронова отца и матери, а затем ребёнка и жены. Это намерение пронырливого шалуна и забавника столяра Каллистрата подчинить себе героя, женить его на своей племяннице, обладательнице «огромных полушарий бёдер» и двухэтажных губ, готовых «высосать всю кровь из человека» [Горький 1973: 501-502].

В метафорическом аспекте погибает и исчезает лучшая часть души самого героя, романтический мир его иллюзий, мечты о тихой и спокойной жизни. Суть турбулентной истории России, не поддающейся программированию, схвачена в горьковской зарисовке полурастительной уездной жизни с замечательной точно-